

Боль никуда не ушла. Я лежал на кровати, уже даже и не надеялся очнуться. Я так сильно верю Ворону, что решил, будто он сам никогда меня не предаст, а по итогу получил холодный клинок в самое сердце. Наверное, стоило сразу ему отказать, убить в самый первый день нашего знакомства или просто разойтись по разным точкам этого мира. Хотя, зная его ужасный характер и упорство, он достал бы меня из любого места, лишь бы поговорить или заставить что-то делать. Глаза я все еще не открывал, мне было страшно. Зато я слышал знакомый голос где-то в углу комнаты, а уже после интерес взял вверх, поэтому я открыл глаза. Яркий солнечный свет тут же ослепил меня. Теперь я даже не знаю что лучше: ослепнуть от солнца или от кромешной темноты?

— Я уже сказал, как только он придет в себя, я дам знать вам, Ваше Высочество. Прошу, не переживайте. Если он выдвинет в мою сторону обвинения, то Вы лично можете меня казнить.

Послышался хлопок двери, а после шаги в мою сторону. Я все еще не понимаю почему он так поступил и что в итоге произошло. Наверное, он обращался к моему брату, а ведь я обещал ему, что мы обсудим мои вылазки. Надеюсь, что проспал я всего какое-то время, а не несколько дней. Сначала, я проверяю свое сердце, которое все еще качает мою кровь, а уже после пытаюсь хотя бы присесть. Я вижу, как Ворон смотрит на меня с улыбкой, но все также стоит у двери и молчит. Кто бы знал, что я буду чувствовать себя так отвратно из-за него. Сесть у меня получается, и слава Богам, что я в одежде. На мне одна из его темных рубашек и штанов, которые явно не моего размера, этот дракон больше меня, одежда висит, штаны так вообще могут упасть.

— Все будут рады тому факту, что ты проснулся, — он протягивает мне стакан с водой. Думаю возразить, но в горле сухо, я не могу ничего сказать, поэтому принимаю стакан из его рук и делаю несколько глотков. Это помогает, а сам Ворон садиться напротив меня на стул, мол говоря мне, чтобы я начинал задавать ему вопросы. И я задаю.

— Ну и как? Все получилось?

— О, еще как, — он расслабляется, облокачивается на спинку стула, его хвост обхватывает деревянную ножку. — Ты проспал три дня, думал, совсем не встанешь на ноги, — выставив руку передо мной, продолжает. — Все прошло хорошо, это было необходимо, просто прими это. Теперь перед нами открыто множество возможностей, так что... В тебе теперь есть и часть моей силы, а твоей во мне нет. Я не стал бы нести такой груз, даже если бы очень захотел. Мне жаль, что сейчас все иначе, раньше в эльфах было много магии, а теперь лишь та часть, которую вы можете вынести. Сколько ваших умерло? Забудь, я подумал, что теперь мы связаны на более высоком уровне. Ты можешь знать мое имя...

— Не нужно, что-то должно остаться твоим, к тому же, вы очень серьезно относитесь к этим вещам.

— Спасибо.

Кажется, он благодарен, меня это радует. Если он не сказал имя за столько лет, то будет

лучше вообще не знать его. Стакан в моих руках уже пустой, теперь мне легче, я ставлю его на стол и пытаюсь встать. Нужно сказать всем остальным, что я в порядке. Кажется, Ворон также замечает мой порыв и встает сам. Хочется верить, что мои ноги меня не подведут. И они не подводят. Я встаю и не чувствую дискомфорта.

— Все нормально? — Ворон держится на расстоянии, но все же находится рядом.

— Да, я же не ломал себе позвоночник, просто... получил удар в сердце.

— Прости, — он делает паузу, а потом отходит. — Я хочу показать тебе кое-что, подойди.

Сам он стоит около зеркала, которого тут точно не было. Когда он успел его повесить? Я делаю несколько шагов в его сторону, пусть и не очень уверенных, но тело все еще слушается, что меня радует. Еще пара шагов и я стою рядом с ним, наблюдая за своим отражением. Никаких синяков, худощавости или других неприятных последствий от пары дней без еды.

— Сними рубашку, — сам он делает также, и держит ее в своей руке. Приходится повторить за ним, теперь мы снова обнажены, уже видел это где-то. — Видишь эти точки?

— Вот это? — сначала мои глаза искали что угодно на лице, руках или даже шее, но никак не ожидал увидеть пару точек на своей груди, как раз в том месте, где должен был быть шрам.

— Именно, это созвездие, под которым я родился. И так только две звезды. А это, — он показывает на свою грудь, где у него целых семь точек. — Твое созвездие.

— Почему они не соединяются, как на картах? Никакого пунктира, просто точки.

— Еще дойдет. Для драконов небо это целая жизнь, без полета и крыльев мы никто, как видишь, — он усмехается, разводя руками. Я снова рассматриваю созвездие на моем теле. Всего две точки, небольшие, едва заметные.

— Значит, это наша связь?

— Верно. Она будет больше и ярче со временем, Зато никакого шрама, верно?

Я не обращаю на него внимания, он надевает рубашку обратно, и на какое-то время покидает комнату. Это кажется мне странным, чем-то несуществующим, но вот оно на моем теле, как те метки на моих руках, которые все еще никуда не пропали. Хотя бы эти я буду любить больше, чем собственную магию. Через некоторое время Ворон возвращается и в его руках я замечаю свою одежду. Мы понимаем друг друга без слов, и пока я переодеваюсь, он никуда меня не торопит, только рассказывает.

— Пока ты спал, твоя родня очень за тебя переживала, а еще та эльфийка, постоянно крутится

рядом с ними, пытается задавать вопросы, но я ее игнорирую. Не собираюсь с ней общаться, другие сами все расскажут.

— Ты слишком жесток с ней, — я поправляю новую белую рубашку, даже не обращая на него внимания.

— Она убийца.

— Это лишь предположение, а вот ты точно, но на твоих руках крови больше.

— Меня волнует, что она творит с тобой. Ты тратишь свою энергию на поддержание трупа, хотя бы чувствуешь как много ей надо? Сколько еще дерьма ты будешь убирать за ней?

— Прекрати, — теперь уже я поворачиваюсь к нему, наблюдая, как тьма бушует и не может найти выхода. Он хорошо себя контролирует, но порой кажется, что это касается только моей стороны.

— Король хочет тебя видеть. Уже очень давно хочет.

Я лишь вздыхаю и понимаю, сколько всего мог пропустить просто потому что решил немного поспать. Не говоря ни слова, собираю все свои силы в себе, чтобы увидеть собственного отца в гневе, ведь в его кабинет я сейчас и пойду.

Мы покидаем его комнату, знаю, что сам Ворон будет идти позади, придерживаясь собственных дистанций и правил. Я чувствую его тревогу, волнение, но более чем уверен, но он все также остается непоколебимым, с серьезным лицом, прямой осанкой. Мне сложно понимать его сейчас, особенно, когда часть его теперь и во мне. Мы проходим по коридору, и я останавливаюсь у входа в его кабинет. Охрана переглядывается, но ничего не говорит, даже не останавливает меня, когда я берусь за ручку двери и открываю ее. Голоса внутри замолкают. На несколько секунд я встречаюсь взглядом со своим отцом, который будто видит призрака, но после этот взгляд становится как и прежде, более жестким и холодным.

— Ты пришел, наконец-то... — он опускается на свой стул и теперь не обращает на меня внимания. Зато сам он выглядит подавленным, худым и с синяками под глазами. Что тут произошло за эти три дня? Я прошел внутрь и Ворон закрыл дверь. — На шахте забастовка. Твой брат хочет туда, чтобы успокоить и найти компромисс. Возьмешь его с собой, за голову отвечаешь ты.

— Отец, он только пришел в себя, да и я сам могу постоять за себя, я...

— Не можешь. Вас учили по разному, но может быть, если ты согласишься на это своими глазами, то не захочешь больше лезть в эти дела, — кажется, будто брат хочет сказать что-то еще, но отец стучит по столу своей рукой, давая понять, что тут всем следовало молчать. Еще до входа в комнату я слышал, как они ругались. Я вижу это впервые, раньше он обращался с ним совсем

по другому. — Ксанафию тоже возьми с собой. Мне нужно, чтобы они продолжали работать, так что сделай все возможное для этого. А теперь оба идите прочь!

Король указывает на дверь, он говорит серьезно, громко и властно, пытаясь скрыть свое волнение. Да, новость не из приятных, но чтобы не происходило, это кажется странным. Такая ситуация на шахте впервые, обычно все проходит гладко, так что же могло так им не понравиться, чтобы начать отказываться работать? Мысли крутятся в моей голове, но ни одна не находит себе место. Теперь мы стоим в коридоре, уже чуть дальше от кабинета.

— Я рад, что ты в порядке. Помнишь, ты должен мне много всего рассказать? — Мэлуи смотрит на меня с надеждой.

— Вы с ним поругались? Почему?

— Он считает, что я не способен править, говорит, что я слаб и не смогу встать на трон. Раньше такого не было, понимаешь? — он трет свои виски и чуть обходит меня, начиная ходить взад и вперед. — После вашего обета он был в ярости, весь дворец стоял на ушах и одновременно пытался вести себя тише всего, чтобы он не обратил гнев на них. Он был в отъезде, ездил к светлым, пытался узнать будущее, — он останавливается, берет меня за руку и смотрит в мои глаза. — Он убил их, Бейро.

У моего отца есть свои соратники, которые как говорят, придерживаются его мнения и силы. Так и сейчас, среди светлых эльфов были и те, кто решил идти за моим отцом. Они жили в безопасности, не так далеко от замка, а теперь я узнаю, что он всего парой движений лишил их жизни. Мне не понять его.

— Что они ему сказали? — я вижу испуганные глаза своего брата, ему нужна моя поддержка, пусть он может и не оказать мне ее взамен.

— Он не говорит, а при каждом упоминании только злится и прогоняет. Они явно сказали что-то, что ему совсем не понравилось, так что теперь он сам не свой.

— Мы еще подумаем об этом, все будет нормально. Ты, как и хотел, поговоришь с эльфами в шахте, может, у вас получится договориться, ты выступишь в роли дипломата, как в детстве, помнишь?

Я вижу, как его взгляд меняется, он расслабляет свою хватку и соглашается со мной. Он не спорит, когда я говорю о тех вещах, которые стоило бы взять с собой и как одеться. Самому мне еще предстоит навестить эльфийку, которая явно будет не рада меня видеть, особенно после нашей последней встречи. Ворон все это время стоял позади меня и не вступал в наш разговор, просто был слушателем. Я не пытаюсь уточнить у него какие-то вопросы, ведь он обязательно бы мне их сказал. Мне хочется верить именно в это. Он также поедет со мной, пусть и по собственному желанию, но запрещать я не стал.

Коридоры кажутся пустыми, пока мы идем по ним. Это крыло для гостей, но так как у нас их почти не бывает, то и охраны не так много, а может ее и вовсе, решили отсюда убрать. На этом этаже комнат много, но ее отличается и сейчас это отчетливо видно. На коричневой дверце висят камни, если бы свет попал на них, то они бы переливались. К сожалению, солнце сейчас не на этой стороне. Я стучу в дверь, пока за моей спиной Ворон вздыхает и пытается взять себя в руки. Мы не общались с того самого момента, как он пытался ее убить, я даже не знаю, что именно стоит говорить. К счастью, делать этого мне не приходится, дверь открывается и эльфийка улыбается, вот только при взгляде на Ворона взгляд ее тускнеет и недавняя улыбка тут же проходит. Возможно и из-за меня тоже? Я не поддержал ее, хотя должен был. Она лишилась родителей, а теперь и живет тут, как изгой своего народа.

— Вы что-то хотели? У меня встреча с принцем через пару минут, я не могу опоздать, — она поднимает свой взгляд на меня, будто бросая мне вызов.

— Это подождет. Король приказал отправляться на шахты, вы тоже едете, поэтому я прошу вас собраться и прийти на конюшни, — прежде чем она успевает сказать что-то еще, я добавляю.

— Принц тоже там будет и отправляется с нами, не переживайте.

Больше мне добавлять нечего, я поворачиваюсь в сторону выхода из крыла, чтобы теперь оказаться в своей комнате. Не хотелось бы провести еще какое-то время в ее компании, особенно, что мы оба разозлили друг друга. Даже не знаю, почему ее слова о моем брате портят мне настроение. Я почти не обращаю внимание на слова, которые говорит Ворон, но успеваю услышать ту часть, где он говорит про мою змею. Да, я чувствую их обоих и с ними все хорошо. Теперь же убедившись, что за ним будут ухаживать во время моего очередного отъезда, я могу быть спокоен. Интересно, как там Ирима?

Уже спустя какое-то время, мы все встретились в конюшнях, где лошади уже были готовы. Ксанафия даже не пыталась поменять решение короля, отказаться от этого ужасного похода. Наверное, у них хорошие отношения. Она выглядит бодрой и счастливой, а уже совсем скоро брат помогает ей сесть на лошадь. Истинный джентельмен. Раньше тоже это было заметно, но вот теперь они будто сблизились за эти три дня. Мой взгляд задержался на них дольше положенного, черный конь уже мотает головой в мою сторону, чтобы привлечь внимание. И у него это получается. Я провожу рукой по его шее, чуть похлопывая, и сажусь на него. С нами больше никто не едет, только мы вчетвером, но даже так я понимаю, что это доставит нам большие проблемы.

— Ну что, мы готовы? — Мэлуи подъезжает ко мне поближе. У него коричневый рысак, чтобы ночью можно было бы сливаться лучше, к тому же, он прислушался к моим словам, оделся в темную и теплую одежду. Время года никого щадить не будет.

— Слушай меня и Ворона, тогда все будет хорошо, — я не делаю себя главным, но его не учили драться, он должен стать королем дипломатом, а не тем, кто собирается устраивать войну и идти на кого-то воевать. Это больше по мне.

— Когда я тебя не слушал?

Я хочу сказать, напомнить, как в детстве он обжигался горячими металлическими инструментами, пока мы с ним были в кузнице. Или о том, как он порвал мягкую игру, кажется, это был слон. Даже другие варианты нашего прошлого, где он меня не слышит, приводят не к очень приятным событиям, но все же, воспоминаниям. Вместо ответа ему, я лишь начинаю двигать свою лошадь вперед, к выезду из замка, а там уже до шахты. Если ехать прямо, то мы сможем добраться всего за пару ночей, если повезет.

Деревню мы проезжаем быстро, а уже потом, на большой проезжей дороге мы едем парами. Сначала Мэлуи пытался общаться с Вороном, но замечая его холодный взгляд, перевел свое внимание на эльфийку. Между нами все еще натянутые отношения. Возможно, стоило бы сделать цепочку, но ничего не должно нам помешать.

— Простите, вы в порядке? — дракон смотрит в мою сторону, уверен, что он сейчас беспокоится, но внешне не подает виду.

— Почему мне должно быть плохо?

Наверное, я пытаюсь не обращать внимания на последние несколько дней, но мне все еще больно и я не знаю от чего больнее. В скором времени ситуации заставят меня принимать сторону одного из членов этого небольшого отряда, но думаю, что ни один из них, не встал бы на мою.

— Вы многое пережили. Я готов поспорить, что эта поездка может выйти нам боком.

— Прошу, не накаркай! — Мэлуи подъезжает чуть ближе, насколько это возможно, а потом улыбается собственной шутке, какая ирония.

— Так вы подслушиваете?

— Я наследный принц, а эти переживания... Уверен, ты слышишь намного больше, чем должен быть. За один только день тебя можно было бы казнить, — брат ловит мой взгляд, ищет поддержку, но ее не будет. Я даже не собираюсь встречать в этот разговор, лишь чуть торможу и теперь оказываюсь на заднем плане, вместе с Ксанафией.

Она напряжена, держит поводья и смотрит по сторонам, словно рассматривает окружение, лишь бы не обращать внимания на меня. Я хочу завести разговор, правда хочу, но не знаю как начать. Извиниться, что решил оставить ее в коридоре? Что позволил обращаться с ней так? Разумом я понимаю, что мне стоило успокоить ее, но сердцем...

— Сколько я тут уже пробыла, а рассветы все такие же красивые и длинные.

Поговорим о погоде, сыграем в ее игру.

— Так просто кажется, к тому же, — я указываю в сторону небольших холмов. Облака проплывают совсем рядом с ними, кажется, будто еще немного и они окутают их, при этом цвета совершенно разные, от розового до фиолетового. Пусть сейчас и не рассвет, так как солнце уже взошло, но цвета все еще остаются.

— Да, вы правы, это очень красиво.

— Я хочу извиниться, за то, что произошло в том коридоре, пусть для меня прошло всего мгновение, а не три дня, но я не хотел бы продолжать держать наши отношения в напряжении. Мы ведь напарники, я еще многому вас не научил.

Мы замолкаем, каждый думает о своем. Тело ее напрягается еще сильнее, будто переживая все снова, но все происходит быстро, мне начинает казаться все это игрой собственного воображения.

— Я не держу на вас зла и уже давно простила.

Кажется, она говорит искренне, так что я верю ей. Спереди все еще о чем-то спорят эти двое, я бы даже сказал, что они воркуют. Туда вклиниваться я не хочу, а вот продолжить разговор с Ксанафией вполне возможно.

— Знаете, раньше я просил у брата прощение только одним способом. Когда он злился на меня, то дул свои щеки, уходил в комнату и отказывался со мной общаться. Будучи маленьким, я постоянно пытался привлечь его внимания, пока не заметил, как его мама подкармливает, в неприятные моменты. Это хорошо его отвлекает. Со временем я научился таскать с кухни разные пирожные. Стоял у двери, пытался подсмотреть в замочную скважину или щели между полом и дверью, но ничего не получалось. Поэтому я стоял, рассказывал, какое у меня вкусное угощение, что мне удалось стащить.

На какой-то момент я прерываюсь, вспоминая, как будто вчера стоял у его двери, держал сладкую булочку в руках и пытался найти своего брата за дверью. Он не открывал мне дверь до последнего.

— И как же он вас впускал? — в ее взгляде я замечаю интерес и теплоту. К кому из нас?

— Он открывал мне дверь через какое-то время, возможно, чувствовал запах сладкого или велся на мои сладкие речи, но по итогу открывал всегда. Впускал в комнату, даже разрешал садиться на кровать со сладким, а потом ждал, когда я поделюсь.

— Мне казалось, дети любят сладкое, разве он не пытался отобрать ее у вас? — она улыбается, теперь сидит более свободно и спокойней держится в седле.

— Нет, он просто ждал. Я отдавал ему всю булочку, а он отламывал от нее половину и протягивал мне ее со словами...

— Нам двоим стоит поднять себе настроение и держаться вместе, — Мэлуи встречает в разговор, оказывается, он все слышал, а потом тише добавляет, с грустью в голосе, но взглядом в мою сторону. — Мы ведь братья.

На какое-то время повисает молчание, брат снова отворачивается на дорогу, но между нами будто что-то проскочило. Уверен, он тоже вспомнил эти приятные моменты, не смотря на все то, какими они были до этого. Я никогда не забывал этого факта, что он мой брат. Младший, незащищенный, слабый мальчик. Наверное, ему повезло, что в нашем роду, он родился и в раннем возрасте не получил метки, не испытывал боли и живет дальше, в отличии от наших покойных братьев и сестер.

— Мы не будем проезжать через деревни, так что через какое-то время сделаем остановку, только дайте знать, — теперь уже я проезжаю чуть вперед, снова ровняясь с Вороном.

— Я об этом не знала, почему мы не можем там остановиться?

— Слишком знаменитые, пока хотим решить проблему без шума. Ничего страшного, переночуем под звездами, караулить по очереди будем, так что...

Я не успел договорить, услышал какой-то крик, слишком громкий, отчего пришлось закрывать собственные уши. Ворон оказался рядом и уже протягивал руку в мою сторону. Больно, громко и неприятно.

— Что случилось? — он переживает, хочет помочь, а может даже чувствует.

— Вы не слышали?

Я убираю руки от своей головы, осматриваю нашу небольшую компанию, но все они только качают головой. Мне приходится даже собраться с силами и вновь найти в себе те части моих мертвых друзей, которых я питаю собственной энергией. С ними все хорошо. Тогда кого я слышал? Или вернее, что именно я слышал? С одной стороны находятся поля и холма, а с другой лесная зона. Вполне возможно, что это было какое-то животное, но сейчас я с этим разбираться не хочу. Ворон все еще смотрит на меня и ждет от меня хотя бы что-то. Приходится врать.

— Голова заболела, все хорошо, — а когда он осматривает меня с ног до головы, я все также продолжаю врать. — Правда.

Остается надеяться, что моя ложь на него подействовала. Он успокаивается, но все еще иногда смотрит в мою сторону. Разбираться с этой причиной я не хочу, поэтому не обращаю на нее внимания и предлагаю ускориться. В моих ушах все еще стоит этот ужасный вопль, но стук копыт понемногу его перебивает.